

КОНЦЕПЦИЯ ОБРАЗА ИВАНА-ДУРАКА В СКАЗКЕ-ПОВЕСТИ В. ШУКШИНА «ДО ТРЕТЬИХ ПЕТУХОВ»

М. М. Касимова

*Бакинский славянский университет, ул. С. Рустамова, 25,
AZ1014, г. Баку, Азербайджан, kasimova.majya@yandex.ru*

В статье исследуются социально-исторические и эстетические аспекты проблемы личности в русской литературе конца XX – начала XXI в. Изучение этой проблемы опирается на то, что в данный период характерной чертой литературного процесса становится возрождение национального духа, стимулирующее формулирование национальных и интернациональных типов характера.

Ключевые слова: концепция; национальный тип характера; нравственность; русская классическая литература; художественный образ.

КАНЦЭПЦЫЯ ВОБРАЗА ІВАНА-ДУРНЯ Ў КАЗЦЫ-АПОВЕСЦІ В. ШУКШЫНА «ДА ТРЭЦІХ ПЕЎНЯЎ»

М. М. Касімава

*Бакинскі славянскі ўніверсітэт, вул. С. Рустамова, 25,
AZ1014, г. Баку, Азербайджан, kasimova.majya@yandex.ru*

У артыкуле даследуюцца сацыяльна-гістарычныя і эстэтычныя аспекты праблемы асобы ў рускай літаратуры канца XX – пачатку XXI ст. Вывучэнне гэтай праблемы абапіраецца на тое, што ў дадзены перыяд характэрнай рысай літаратурнага працэсу становіцца адраджэнне нацыянальнага духу, якое стымулюе фармуляванне нацыянальных і інтэрнацыянальных тыпаў характару.

Ключавыя словы: канцэпцыя; нацыянальны тып характару; маральнасць; руская класічная літаратура; мастацкі вобраз.

Василий Шукшин, продолжая в своем творчестве лучшие традиции русской классической литературы, творил в переломную эпоху, когда активизировались не только исторические, но и общекультурные процессы. Рассказывая о простом, негероическом и близком каждому читателю, ему удалось отразить в своем творчестве проблемы, характерные для поворотного момента в развитии общества, тесно связанные с эволюцией самого писателя-художника и человека.

Написанная в 1974 г. и опубликованная в год смерти писателя вдовой Н. Федосеевой-Шукшиной в журнале «Наш современник» (1975, № 1), повесть-сказка «До третьих петухов», сегодня считается недооцененным произведением писателя. Первоначально носящая название «Ванька, смотри!» с подзаголовком «Сказка про Иванушку-дурачка, как ходил он за тридевять земель добывать

справку, что он умный и современный», она воспринималась исследователями творчества Шукшина как своего рода завещание. Почти в стиле и духе знаменитого стихотворения Р. Киплинга с одноименным названием («Завещание») речь и здесь, по мнению некоторых критиков, шла о диалоге, или перекличке идей настоящего и будущего. Знаток творчества В. Шукшина В. А. Чалмаев, по нашему мнению, вполне справедливо утверждал, что сюжет этой повести-сказки в буквальном смысле слова полон сомнений, тревожностей и сострадания к так называемым чудикам. Однако именно «чудики» спустя четверть столетия после смерти автора (1974) органично вписались в зловещую атмосферу XXI в., когда демоническое мировоззрение некоторых писателей словно схлестнулось с техническим взлетом в эпоху нынешней глобализации. И В. А. Чалмаев оказался прав, отметая разного рода сомнения относительно «нежизнеспособности образа простого деревенского парня» [6]. К словам видного современного критика мы могли бы добавить, во-первых, тот факт, согласно которому, создавая форму сказки-аллегии, Шукшин обратился к широко распространенному в русской классической литературе художественному приему фольклорной сатирической стилизации. Во-вторых, стоит перечитать хотя бы известный рассказ Бориса Евсеева «Юродивый», чтобы лишний раз убедиться в жизнестойкости названных героев В. Шукшина. Только вместо его «чудиков» и простонародья героем земли русской в переносном смысле становятся такие же юродивые. Но, в отличие от сатирически обостренной щедринской трактовки литературных персонажей, как и героев русской сказки, Шукшин по-новому подходит к оценке поведения классических героев, меняя при этом социально-нравственную трактовку их черт характера.

На книжной полке в библиотеке (являющейся символом общества) вспыхнул спор о законности пребывания Ивана-дурака в окружении героев русской классической литературы: «Нужны ли такие Иваны в русском обществе?». В споре принимают участие: крестьянка Бедная Лиза, помещик Обломов, Акакий Акакиевич, не то Онегин, не то Чацкий, Лишний, Пришибленный, имеющий канцелярский облик Лысый, Конторский – «законные» русские классические литературные персонажи. Они приходят к общему мнению: «Иван – фигура сомнительная, гражданских прав на присутствие в литературе не имеет и должен принести справку, что он умный». Писатель раскрывает свою позицию при ответе на вопрос о важности присутствия героя из народа на книжной полке среди классических героев через иллюзию спора персонажей-прототипов классических героев, с народным героем. Ответ на вопрос: Имеет ли право Иван-дурак там находиться, по нашему мнению, органично вписывается в традиционный подход к «сатире М. Е. Щедрина» [2].

Иван-дурак в конце своего пути должен получить мифическую, условную бумажку-справку, да еще и с печатью. По дороге он встречается с Мудрецом, чей образ, олицетворяя определенный социальный тип, паразитирующий на уважительном отношении к науке и потому имеющий определенную власть, намного проигрывает, несмотря на значимость его появления в тексте повести-сказки. Следует отметить и важность того факта, что на место Мудреца Шукшин предполагал выдвинуть Летописца. Противопоставляя образ Ивана-дурака ключевому образу в повести-сказке – Мудрецу, Шукшин на материале жанра рус-

ской сказки поднимает целый пласт социально-нравственных проблем, связанных с постановкой вопроса о важности и необходимости присутствия самосознания деревенского жителя в жизни русского общества и о значимости роли в реальной жизни таких вот Иванов-дураков.

В силу терпеливости и покорности характера Иван-дурак, так и не понявший, зачем ему нужна эта справка, выйдет на середину библиотеки, поклонится всем поясным поклоном и, подтянув потуже армячишко, направится к двери. Отправив Ивана за справкой, автор превратит спор-диалог, возникший на полке в библиотеке, в философско-символическое рассуждение о важности этого типа героя, подаваемого другими героями русской классической литературы как вызывающего стыд за собственный народ. Звонко и убежденно, подытоживая затянувшийся спор, Лиза говорила: «Мне стыдно, что Иван-дурак находится вместе с нами. Сколько можно?! До каких пор он будет позорить наши ряды» [7, с. 8]. Помещик Обломов добавляет: «Мне тоже неловко рядом с дураком сидеть. От него портянками пахнет... Да и никому, я думаю...» [7, с. 8]. Крестьянка Лиза предложила всем «отправить Ивана-дурака к Мудрецу за справкой», и «если он к третьим петухам не принесет справку, пускай.. я не знаю.. пускай убирается от нас. – Куда же ему? – спросил Илья грустно. – Пускай идет в букинистический! – жестоко отрезала Лиза» [7, с. 15]. Со словами-поддержки богатыря Ильи «в огне тебе не гореть, в воде не тонуть. За остальное не ручаюсь» [7, с. 15] спор превратился чуть ли не в кровавую драму из-за Атамана, который собирался пустить в ход свою саблю, но его резко обрубил Акакий Акакиевич, выкрикнув: «Закреть на учет!».

Отталкиваясь от спора, превратившегося в диспут присутствующих на книжной полке героев, автор продолжает свое повествование с опорой на фольклорный образ пути-дороги. Использование таких сказочных элементов, как зачин, фантастическое место действия (за тридевять земель, туда, не зная куда), имена сказочных фольклорных героев: Иванушка-дурачок, Баба-Яга, Несмеяна, Леший, Домовой, богатырь Илья, казачий Атаман, а также не-фольклорного героя – Мудреца, дали возможность Шукшину создать повесть-сказку, являющуюся своего рода синтезом его размышлений о нравственных чертах и традициях национального русского характера, сопоставив их с поступками и поведением классических персонажей, и создать национальный концепт – образ Ивана-дурака. Авторская позиция по отношению к образу Ивана-дурака как нашего современника объясняет и феномен ряжения самого Шукшина в маску Ивана-дурака на первых порах пребывания в институте кинематографии, когда он пытался демонстративным ношением кирзовых сапог показать всем насмехающимся над ним городским сокурсникам: «Да, вот он, я – деревенский парень». Тем самым была символически воссоздана параллель между судьбой, в сказке, Ивана-дурака, которому предстояло доказать, что он не дурак, и в жизни – самого автора – деревенского паренька, приехавшего в город.

Если внимательно вчитаться в текст этой сказки, равно как и некоторых других рассказов В. Шукшина, то невольно приходишь к признанию следующего принципа его письма и мировосприятия соответственно. В наши дни его относят к той когорте писателей, которые в попытке понять основные тенденции времени, значительно больше внимания уделяют философским вопросам, неже-

ли социальным. Хотя последнее тоже немаловажно, но объективно В. Шукшин подчиняет свою философскую линию духовно-эстетическим ценностям. Это отражено и в анализируемой нами сказке. Подтверждением этого тезиса является и высказывание одного из азербайджанских исследователей творчества Шукшина А. А. Гаджиева [2], справедливо утверждающего, что в наше время мифологическое мышление и фольклорные традиции стали важным фактором развития во всех формах современной культуры и что та комическая ситуация, которая возникла в кинематографической среде в связи с его настойчивым ношением сапог, не привела в итоге к отторжению деревенского парня от городской культуры, а в сознании Ивана закрепила мысль о важности и значимости роли русской классической литературы в жизни народа. Глубоко осознающий важность положительных сторон городской культуры, В. Шукшин сознательно переведет проблему повести-сказки в несколько иную плоскость: в ней не окажется специфического для раннего творчества писателя традиционного противопоставления темы «город-деревня», но получит утверждение в осознании крестьянского героя понимания того «высокого», что, по сути, должна была нести русская классическая литература, и того «низкого», которое проявляли, по его мнению, считающие себя высокоинтеллектуальными людьми представители книжной литературы, находящиеся с Иваном-дураком в одинаковых условиях «запертыми» на полке в книжной библиотеке, но не желающие находиться с ним рядом.

В их лицах-знаках Шукшин покажет всех тех, с кем ему пришлось встретиться на своем жизненном пути, как и Ивану-дураку, начавшему свой путь с осознания важности и значимости типа личности и доказательства того, что он вовсе не дурак, и что он себе на уме и может справиться с трудностями, ничем не хуже других книжных героев. В ситуации вынужденных поисков ответа на вопрос: «Дурак или нет Иван?» в библиотеке ему сочувствуют только два фольклорных собрата: казацкий Атаман и Илья Муромец: «Иди, Ванька, – тихо сказал Илья. – Надо идти. Вишь, какие они все... ученые. Иди и помни: в огне тебе не гореть, в воде не тонуть... За остальное не ручаюсь» [7, с. 16].

Несмотря на то, что не все названные в статье персонажи русской классической литературы участвуют в действиях сюжета, при знакомстве с содержанием повести-сказки важно понять главную задумку автора, посылающего своего героя за справкой: о значимости художественной функции образа Ивана-дурака в раскрытии концепта его образа как национального типа русского героя. Его постановкой писатель отвечал на вопрос: «Кто же все-таки этот загадочный Иван-дурак?», выражающий в основе своего характера сугубо национальные черты русского деревенского человека, и чей образ можно присоединить к возникающим в 60-х – начале 70-х годов дискуссиям о сущности русского национального типа героя.

Шукшин покажет своего героя, идущего за справкой к Мудрецу, в знаковых встречах с Бабой-Ягой, Змеем Горынычем и его невестой, дочерью Бабы-Яги, Медведем, чертями, которые символизируют ситуации выбора, разочарований и открытий с целью самоутверждения идеала русской души и желанием обрести свое место в жизни общества. При этом нравственный идеал самого писателя будет воплощаться и развоплощаться в процессе встреч героя с волшебными

персонажами сказки, несущими в своей основе попеременно как фольклорные, так и современные черты, и со всем тем хорошим или плохим, свойственным русскому человеку. В эпизоде с Бабой-Ягой видно, что она живет скорее не разумом, а чувством, и сердце ее никому не обмануть; а когда она предлагает Ивану поработать, а тот отказывается, просматривается явный намек на леность как русскую характерную черту. Но, если знакомство с Бабой-Ягой приводит Ивана к мыслям о добре и зле, то встреча с тупым самодуром Змеем Горынычем, чей образ вполне симметричен образу Лизы, вызывает другой поток размышлений героя: о смысле жизни, о призвании человека, связанного с поиском истины. В образе Змея Горыныча проглядывает высокомерие мещанина, вчерашнего деревенского выходца, успевшего стать мигрантом, который, нахватавшись в городе (или даже у себя в деревне) всевозможных культурных обносков, счел это вполне достаточным, чтобы ощутить свое превосходство над «серым» деревенским героем Иваном-дураком.

В повести-сказке «До третьих петухов», не отходящей от заявленной в русском литературном процессе второй половины XX в. тенденции – ориентации на фольклор и мифопоэтическую традицию, мы наблюдаем следование четкому выражению нравственного идеала русского национального типа характера, опирающегося на мифофольклорную поэтику жанра сказки. При этом отображение специфических особенностей образа Ивана-дурака, наряду с раскрытием его исконно-традиционных черт характера русского человека, таких как покорность, наивность, леность, неповоротливость, доверчивость, говорят о том, что при создании национального типа героя автор опирался на специфику менталитета и поведения, быта и жизненного уклада русского мужика-крестьянина. Дополняют традиционные характеристики Ивана-дурака разработанные Шукшиным еще на раннем этапе творчества черты героев-чудаков, мигрантов и «непутевых» героев. Вводя концепт «загадочного» образа Ивана-дурака в сюжет повести-сказки, Шукшин тем самым обобщает свое представление об образе «героя нашего времени», как о русском национальном типе героя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Аннинский Л. Творчество В. М. Шукшина. М. : Совет. писатель, 1988. 347 с.
2. Гаджиев А. А. «Безумие без безумного» (чудики В. Шукшина) // Русская проза. Вторая половина XX века. Опыт мифопоэтического толкования. Баку : Бакин. славян. ун-т, изд-во «Китаб алями», 2003. С. 22–38.
3. Гаджиев А. А. О методологии изучения современной русской прозы в аспекте мифопоэтики // Ученые записки Бакинского славянского университета. Сер. «Язык и литература». 2012. № 1. С. 79–90.
4. Ершов Л. Правда и нравственность. Своеобразие сатиры В. Шукшина // Л. Ершов. Память и время. М. : Современник, 1984. С. 247–263.
5. Кривошапова Т. В. Жанр литературной сказки в прозе В. Шукшина // Фольклор и литература Сибири. Омск : Омский гос. пед. ин-т им. А. М. Горького, 1981. С. 24–33.
6. Чалмаев В. А. Василий Шукшин на рубеже веков и столетий: Новое прочтение // Литература в школе. 2009. №9. С. 16–20.
7. Шукшин В. До третьих петухов : Сказка про Ивана-дурака, как он ходил за три-девять земель набираться ума-разума. М. : Сов. Россия, 1980. 96 с.